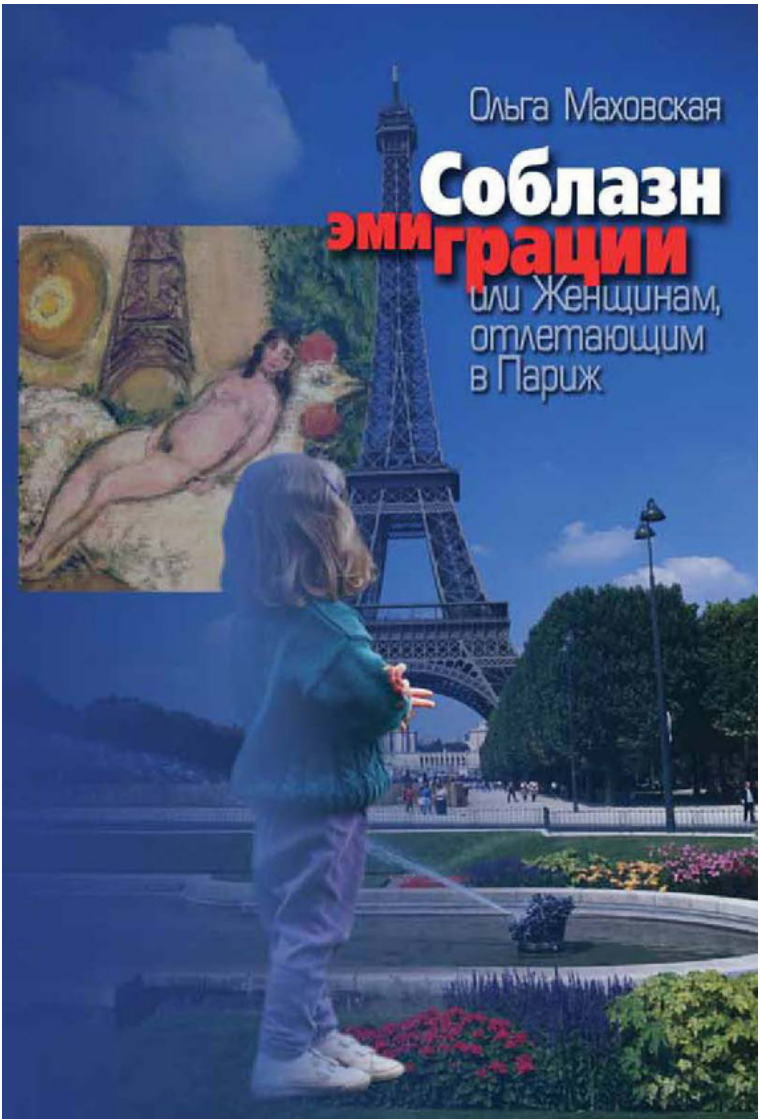
Ольга Маховская
Соблазн эмиграции
или Женщинам, отлетающим в Париж

Ольга Ивановна Маховская
Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж

PDF предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12002791
Ольга Маховская. Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж: ПЕР СЭ; Москва; 2003
ISBN 5-9292-0088-2

Аннотация

Первая книга, посвященная проблемам психологической адаптации российских женщин и их детей в эмиграции. Психологические эссе написаны автором на базе данных наблюдений и интервью, проведенных во время научных экспедиций во Францию, где она работала над проектом «Пути социализации детей российских эмигрантов во Франции» (1998–2000). Книга предназначена главным образом для родителей – реальных и потенциальных эмигрантов, а также для психологов, педагогов, журналистов и государственных служащих, в чью обязанность входит курирование вопросов миграций. Она будет, безусловно, интересна всем женщинам, стремящимся гармонично реализовать себя в условиях резких социальных изменений. Самая авангардная книга о воспитании.

Содержание

Признательность 5
Вступление 7
Женская эмиграция 7
О красоте, бесполезности и вреде мифов 9
Личные и исследовательские мотивы экспедиции в Париж 12
Часть 1 21
Миф о русской красавице в Париже 21
Интервью с известным историком моды Александром Васильевым о специфике работы в русской эмиграции. Париж, 17 ноября 1998 года 26
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Ольга Маховская
Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж
Психологическое эссе

© О. И. Маховская, 2003
© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление

Научный редактор докт. истор. наук Чудинов А. В.

Признательность

Эта книга, и продолжающееся уже несколько лет исследование было бы невозможно без поддержки множества умных, красивых и доброжелательных людей. Первым проект благословил директор французского фонда «Дом наук о человеке» господин Морис Эмар. Я получила достаточно сведений и поддержки от сотрудников Центра русских, советских и постсоветских исследований – Владимира Береловича, Алексиса Береловича, Катрин Гусев.

Моим вдохновителем и покровителем стала профессор социологии Мартин Бургос. Во время нашей первой встречи она сказала: «Все, что французы знают про русских, это то, что они кучкуются вокруг православных приходов, любят балет, да еще, пожалуй, назовут Тарковского». («Американцы сходу называют в качестве ключевых слов «русскую мафию», – подумала я). Обсуждая материал с Мартин, я много раз слышала ее возражения, за которые благодарю особо.

Десятки раз я обращалась за помощью и советом к Соне и Флоранс Кольпар и никогда не получала отказа.

Я спешу выразить свою признательность семье нашего бывшего диссидента Анатолия Гладилина, особенно его дочери Алине и его старшим внукам, с которыми мы провели немало времени. Мне постоянно помогали семьи Мехонцевых (четверо детей) и Матыциных (трое детей).

Площадку для исследований предоставил директор школы при Посольстве Анатолий Розов.

Мне никогда не хватило бы сил выдержать три экспедиции, если бы дома не ждали друзья – Жанна, Юра, Ксения.

Эта книга выходит в год сорокалетия совместной жизни моих любимых родителей. Мама всю жизнь проработала в интернате для сирот и полусирот. Отца я впервые увидела уже поседевшим – молодой морской офицер, таким он вернулся из трехлетних рейсов на Кубу и Вьетнам, когда там шли военные действия. Папиных здорового авантюризма и упрямства, маминого энтузиазма, их бесконечной доброты, искреннего любопытства мне хватило на то, чтобы взять за руку десятилетнего сына и отправиться в неизвестность – в эмиграцию.

Мой сын Федор, моя опора и гордость, мой собеседник и помощник, никогда не усомнился в том, что мы делаем что-то важное и нужное. Смена школ, квартир, международные конгрессы, круглые столы, длительные перелеты и бесконечные переезды, Франция, Италия, США, Россия, Украина стали поводами для нашего взросления и возмужания.

Спасибо судьбе.

Вступление

«Соблазн всегда подстерегает случай разрушить божественный строй… Для всех ортодоксий соблазн продолжает быть пагубным ухищрением, черной магией совращения и порчи всех истин, заклятием и экзальтацией всех знаков в злокозненном их употреблении… Соблазн и женственность неизбежны – ведь это оборотная сторона пола, смысла, власти…»
Жан Бодрийяр, «Соблазн»

Женская эмиграция

Эта книга могла бы иметь и другой подзаголовок: «Женщинам, отлетающим в Нью-Йорк» или «Женщинам, отлетающим в Амстердам», поскольку речь пойдет о психологической стороне жизни российских женщин в эмиграции как таковой. Так уж получилось, что основной груз забот о воспитании детей в наших семьях несут именно женщины. В порыве отчаяния или беспечности они начинают рассматривать эмиграцию, в частности, замужество с иностранцем, как счастливый билет. Факты таковы, что женщины, имеющие детей от предыдущего брака, пользуются на Западе не меньшей популярностью, чем молодые и не обремененные

детьми. «Ради детей» – последний аргумент, высшая мотивация самоустранения с культурного поля, в котором рождались и выросли, но не были счастливы анонимные героини этих эссе. Благодаря брачным интернет-салонам физическое перемещение с неизбежной затем трансплантацией ментальности приобрела промышленные масштабы. Так или иначе, за пределами России оказывается все больше наших соотечественниц – наших по происхождению, языку, культуре, психологии переживания.

О красоте, бесполезности и вреде мифов

Магический Париж будет всегда занимать высшие позиции в шкале предпочтений большинства женщин мира – как эмблема всего самого изысканного, несколько манерного, но всегда обворожительного. Для россиянки этот миф насыщен еще и знанием об истории русской эмиграции во Франции, о том, что все самое лучшее в русской культуре уцелело, выжило и пережило свой расцвет там, в Париже, вдалеке от родины. И это знание служит русской женщине своего рода залогом на конечный успех и признание. «Красота в изгнании»[1] – одна из наиболее точных вербальных аранжировок утонченного и долговечного, как настоящий парфюм, российского мифа о Париже. Сочетание трагического и красивого в биографиях русских эмигранток задевает мелодраматический нерв и множится серебряным звоном в душе всякой женщины.

Выдающийся мыслитель и психоаналитик Карл Юнг ука-

---

[1] Так называется уникальная книга известного у нас в стране и за рубежом историка моды, работающего и живущего в Париже Александра Васильева. Он является собирателем и обладателем уникальной коллекции историй жизни русских «манекенов» (как тогда называли манекенщиц) за рубежом и, думаю, одним из непревзойденных интерпретаторов мифа о русской красавице. Об это немного позже.

зал на то, что мифы рождаются в безднах коллективного бессознательного и отражают общую, самую глубокую интенцию группы людей или народа по отношению к реальности. Женские мифы отражают самые заветные женские желания. При всем лоске некоторых мифов психологу предстоит выполнять прозаическую роль толкователя сновидений, в которых этот миф является. Психолог ведом одним сокровенным знанием – мифы опасны, если не воспринимаются с известной отстраненностью – как сказки. Красивое манит женщину – бриллиантовое колье, ажурный пояс, кружевной абажур, журнал с иллюстрациями, шляпка с вуалью и безжизненный жемчуг. За этим соблазном скрывается потребность стать и самой объектом любования и безоговорочной любви.

Но не о женщинах даже речь, а об их детях. Ибо пока одной рукой женщина тянется к красивому, другой она сжимает ладошку ребенка, неотступно следующего за ней. Куда?

Этот разговор, в конечном итоге, посвящен проблеме ответственности за судьбы детей, которые, находясь в объективной зависимости от своих родителей, могут расплачиваться за их фантазии и неумение построить нормальные отношения с ближайшим окружением. Эмиграция как надежда на то, что все проблемы решатся разом, относится к числу такого рода фантазий.

«Наверное, в самой природе человека – ожидать исполнения желаний, как подарка, вместо того, чтобы прилагать усилия для этого», – писала одна из основательниц женской пси-

хологии Карен Хорни. *Часть этой ответственности автор хотела бы взять на себя, выстроив систему предупреждений и продуктивных решений вокруг проблем воспитания детей в эмиграции.* Невозможно оставаться в стороне, когда речь идет о детях.

Эмиграция – это самый острый психологический и социальный эксперимент, на который добровольно решаются люди. Сам факт принятия решения выехать, одержимость, с которой они идут на преодоление бесконечных препятствий, выдает в них сильных, решительных людей. Но этих качеств мало. Вслед за пассионарным решением должна следовать кропотливая ежедневная работа по собственному переустройству.

Из всех законов культурного наследования самый неумолимый и несправедливый: детям передаются неразрешенные психологические проблемы их родителей. Как за наследственное заболевание, за наши ошибки расплачиваются наши дети. Об этом стоит говорить и думать.

Личные и исследовательские мотивы экспедиции в Париж

«Обманка, зеркало или картина: очарование недостающего измерения – вот, что нас околдовывает. Именно это недостающее измерение образует пространство обольщения и оборачивается источником умопомрачения. И если божественное призвание всех вещей – обрести некий смысл, найти структуру, в которой их смысл основывается, ими же несомненно движет и дьявольская ностальгия, подталкивая к растворению и видимостях, в обольщении собственного образа или отражения, т. е. к воссоединению того, что должно оставаться разделенным, в едином эффекте смерти и обольщения. Нарцисс».
Жан Бодрийяр, «Соблазн»

Эти эссе были написаны в результате нескольких исследовательских экспедиций в Париж, поддержанных французским фондом «Дом наук о человеке» в 1998–2000 годах.

Русская эмиграция во Франции является элитной по своим истокам, наиболее оформленной и с точки зрения институтов (церкви, многочисленные ассоциации, библиотеки), и с точки зрения решенности вопроса о своей культурной и национальной идентичности. Это также одна из наиболее ста-

рых эмиграций, что позволяет уже ретроспективно отследить историю становления ее ментальности и институциональности. Это также одна из наиболее образованных эмиграций, что означает наличие большого количества свидетельств, литературных памятников, мемуаров, картин, фотографий, писем.

Несмотря на это, до сих пор не предпринимались попытки психологического анализа феноменов российской эмиграции во Франции[2]. Одна из причин: русские никогда не заявляли о своих проблемах вовне, являясь самой молчаливой и загадочной эмиграцией в истории Франции.

Тот факт, что современная русская эмиграция во Франции малочисленна, является особо привлекательным для исследователя, ориентированного на глубокий качественный анализ проблем и восстановление картины в целом, а не на сбор холодных статистических данных.

Посмотреть, как адаптируются российские семьи в условиях западных стран – это своего рода социологический трюк, исследовательская уловка, направленная на то, чтобы

---

[2] В это трудно было поверить, имея в виду уровень цивилизованности французского общества, высокую культурную артикулированность первой волны эмиграции, глубину и пронзительность эмигрантских мемуаров, указывающих на высокую отрефлексированность переживаний и состояний человека в условиях вынужденного и внезапного разрыва с родиной. Единственная диссертация по русской эмиграции во Франции на французском языке Катрин Гусев никак не касается эмиграции современной. (Gouseff, C., Immigrés russes en France (1900–1950). Contribution à l'histoire politique et sociale des réfuges, Ecole des Haute Etudes en Sciences Sociales, Paris, 1996).

обогнать время и понять, что делать нам с нашими детьми здесь в России, в условиях резких и быстрых социальных изменений. В каком-то смысле мы все оказались в эмиграции в своей собственной стране. Детей российских граждан[3], выехавших в развитые страны, и наших детей, объединяет «советское прошлое» окружающих их взрослых, прежде всего их родителей. *Эмиграция – это шаржированный образ нас самих, зеркало для социальных процессов и психологических эффектов, в которые погружены мы здесь,* но которые трудно отрефлексировать. Эмиграция – это один это один из «кризисных», латентных сценариев, в рамках которых живет среднестатистический россиянин. Еще поколение назад, в период закрытости и идеологической монотонности, только продвинутая часть интеллигенции видела в эмиграции и диссидентстве способ ухода от жизни в ситуациях, требующих от них обязательного подчинения и стереотипности суждений – качеств, с которыми меньше всего сочетается свободолюбивая мысль интеллектуалов. Однако публичная демонстрация своей оппозиции, наиболее выраженная в эмиграции, была и своего рода поэтическим эпатажем, акцией, направленной на то, чтобы привлечь к своей персоне внимание и увеличить популярность, в которой нуждается всякий писатель или поэт. Об этом, например, говорил в

[3] В категорию российских детей за рубежом попадают сейчас не только дети российских эмигрантов, но и дети сотрудников дипломатических ведомств, фирм, аккредитованных за рубежом, научных сотрудников, находящихся в длительных командировках.

одном из своих интервью известный поэт-авангардист Дмитрий Пригов. У политической, диссидентской эмиграции есть этот эстетический заряд отстранения и самолюбования, который для многих был и высшей точкой самоидентификации. Почти оргазмическое наслаждение от видения своего красивого изображения и неистовое желание убедить в этом других. *Образ Нарцисса и русская эмиграция в Париже* – эта та тема, которую я настойчиво пыталась обойти, хотя, безусловно, это существенный ракурс для описания нашей эмиграции как таковой[4].

«Соблазн эмиграции» – это балансирование на грани реальности и фантазии в попытке открыть другую эстетику, *не эстетику вхождения в тяжелые воды эмиграции, а эстетику выхода из состояния асфиксии*, в которое попадают женщина и ребенок, оказавшись один на один со стихией. На каждом биографическом повороте параметром, по которому узнаешь о мере возможного, как раз и является чувство асфиксии, пережитое вместе с ребенком во время родов. Потом это закрепляется, перерождается в постоянную потребность успеть посмотреть ребенку в глаза – выдержим

---

[4] Многочисленные мемуары, в том числе и женские, воспоминания, в которых все трагично и жертвенно, особое внимание к судьбе русской литературы и искусства и полный бардак в биографиях, жестокие изломы в отношениях между людьми, жизнь на грани нормы, демонстративное небрежение к нищете и реальным проблемам, за всем этим просматривается бездна между жизнью и языком ее описания, панический страх перед правдой, детский страх наказания за бездарно потраченные и заболтанные годы.

или нет? Как дельфин, выпихивающий своего детеныша на поверхность[5].

Конечно, соблазн эмиграции – это еще и богатый познавательный прием, изыск мерцающего восприятия, двойного зрения, видения сущностного и иного. Однако в этой книге философский и гносеологический мотив исследования я бы опустила, чтобы не затуманивать вещи более существенные[6].

Метафора противопоставления свободы и несвободы лежала в основании идеологии всех волн эмиграции вплоть до последнего времени. Советский Союз в рамках этой модели рассматривался как тюрьма, царство несвободы и тоталитаризма, а западные страны, о которых большинство знали только понаслышке, – как бесконечная свобода и радость реализации. Таким образом, сама эмиграция казалась выходом в сгармонизированный, неразорванный космос, где слова и вещи находятся в радостном согласии. Деление на официальную культуру и язык и неформальную, андеграундную культуру разговоров на кухнях и в курилках стало уже об-

---

[5] Эта метафора не является надуманной, поскольку помимо смерти физической есть еще и смерть эмоциональная – когда ребенок перестает адекватно реагировать на окружение. Депрессии, раздражение, суицидальные попытки, побеги из дому у детей – все это проявления затянувшейся асфиксии, нехватки любви, уважения, поддержки, которой мы недодаем друг другу. Добавим сюда еще и апатию – равнодушие ребенка к происходящему, покорность и управляемость, которые так часто путают с послушанием родителям.

[6] Теме соблазна как философской категории посвящена работа: Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.

щим местом[7]. Такая ситуация раздвоенности привела к возникновению феномена внутренних эмигрантов, людей, которые не согласны «с политикой, идеологией, действиями государства, гражданами которого они являются, не имеющие возможности без ущерба для себя в силу репрессивных мер государства это несогласие выразить»[8].

В русской культуре персонаж, который может противопоставить себя всем и всему попадает или в герои (быть над) или в предатели (быть вне). Образ героя и образ Нарцисса при всей их одиозности вводят нас в пространство одноактных пьес с трагическим финалом. Они дают предписания умереть (в мертвом отображении, от которого нельзя оторвать взгляд, в патетической акции смертельного противостояния), но никаких – как жить. Эти мифы, лежащие в основании идеологии русской эмиграции, ограничивают ее в своем осознании. Описания «непростой жизни в эмиграции» типа тех, которыми нас порадовал в свое время Эдичка, похожие на публичные доносы, поток которых продолжается до сих пор, за которыми стоит, по сути, психология ду-

---

[7] Воронков В., Чикадзе Е. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. – СПб., 1997; Померанц, Г. С. Записки гадкого утенка. – М., 1998. Балабанова И. Говорит Дмитрий Александрович Пригов. – М.: О. Г. И., 2001.

[8] Иванова Е. Ф. «Феномен внутренней эмиграции», рукопись любезно предоставлена автором. Впервые проблема психологии внутренней эмиграции была поставлена в неопубликованной статье Дж. Верча и Е. Ивановой «Reflection on «Internal Immigration»», 1998.

шевной праздности и культурного безделья, еще менее интересны. При всей силе используемых в них выражений.

Наша пишущая эмиграция не предложила ни вариантов проживания там, ни цивилизованного возврата домой, которые потом открывались что называется публикой попроще. Во-первых, трагедия трех волн возвращенцев показала, что эти сценарии возврата, такие же по тяжести, как сценарии ухода, пройти через которые дважды под силу не каждому[9]. Во-вторых, человек, попавшийся в ловушку героического или нарциссического сценария, не может предложить что-либо, согласующееся с жизнью нормальных людей, которые не хотят играть роль восторженной публики у экзальтированных единиц. В-третьих, предлагаемые сценарии были пригодны для ярких или психопатических одиночек, но вовсе не для тех, кто готов к адекватной роли профессионала, труженика и семьянина, требующей от окружения не экстатического обожания, а прежде всего уважения к себе, своему труду и родным. Наконец, в-четвертых, все эти сценарии, во всяком случае, в их героическом регистре, *не годятся для женщин*, стремящихся к жизни в нормальной семье[10].

---

[9] В кросс-культурной психологии этот феномен называется шоком возврата. Он описывает психологические переживания людей, которые по разным причинам вынуждены проживать вдалеке от родины в течении длительного времени, а потом возвращаются домой. См.: Ward C., Bochner S, and Furnham A. The Psychology of Culture Shock. Routledge, 2001

[10] К досаде автора, ни одно из эмигрантских изданий не ведет рубрику о психологической жизни в эмиграции. Это своего рода табу. Нет даже детской стра-

Отсутствие публичных деклараций и демонстративных поз в расчете на простаков задает новую интонацию в нынешней российской эмиграции. Она более жестка, прагматична и уверенна в себе. В этом своем прагматизме она более тождественна западным обществам.

Произошло расширение зоны использования сценария эмиграции, он, что называется, пошел в тираж и теперь стал обкатываться в разных вариантах, не как авангардный, интеллектуальный, эстетский, а как нормальный, жизненный. Я имею в виду не столько юридические основания эмиграции, но психологические варианты проживания в чужой стране, которые имеют гораздо большее отношение к человеческому счастью, чем наличие материальных благ.

Эмиграция интересна потому, что в ней уже накопился опыт решений проблем адаптации к западной культуре. Это русские, которые не побоялись сами шагнуть в неизвестность, и разными путями попытались найти себя в объективно чужой среде. Самыми интересными собеседниками для автора были женщины, которые решились на этот вояж с детьми, и которые, как оказалось, составили существенную часть современной российской эмиграции во Франции. Вместе с тем автор предупреждает, что эти эссе – только одна из сильных психологических версий событий, окончательная интерпретация которых остается за временем и вдумчивым читателем.

ницы или страницы о воспитании детей в современной эмиграции.

Эти эссе не стоит читать второпях. Они и не писались так, а родились из многочисленных разговоров до, во время и после экспедиций, в основном разговоров женских или пропитанных женским любопытством и тревогами. Закончив чтение, вы отложите книгу, и на душе у вас, я надеюсь, станет гораздо спокойнее, чем тогда, когда вы впервые взяли ее в руки. Спасибо.

Сиэтл, США, октябрь, 2001

Часть 1
Предчувствие эмиграции

Миф о русской красавице в Париже
Интервью с Александром Васильевым, историком моды, проживающим в Париже

«Какая там правда… Главное – красота!»
Реплика из фильма «Раба любви»

«Нужно или детей растить, или исследования проводить».
Из телефонного разговора с Александром Васильевым

В 1998 году вышла замечательная книга «Красота в изгнании» историка моды Александра Васильева, посвященная русским домам моды за рубежом, русским манекенщицам, истории русского костюма[11]. Это истории любви, успеха у публики, восторженных откликов и признания и, в конце концов, удачных замужеств. Материалы для этой книги

---

[11] Васильев А. Красота в изгнании, – М.: «Слово/Slovo», 1998. В настоящее время книга переведена на английский язык – «Beauty in exile».

автор разыскивал десять лет, проделав уникальную работу – собрав не только фотографии, афиши, газетные публикации по разным библиотекам мира, но и успев записать на магнитофон десятки женских историй – свидетельств манекенщиц, работавших в известных домах моды в Париже, Харбине, Константинополе, Нью-Йорке. В шикарном издании приведено 838 иллюстраций, изображающих русских манекенщиц или просто эмигранток, одетых в платья своего времени.

Для меня эта книга является самой впечатляющей экспликацией мифа о русской красавице за рубежом. Миф о русской красавице в Париже, ее успехе, очаровании и красивой судьбе стал особо быстро кристаллизоваться в начале 1900-х годов, с приходом Русских сезонов Дягилева, выставок княгини Тенишевой. В то время в Европе стал зарождаться стиль модерн, одним из направлений которого был национальный романтизм, в российском варианте – неорусский стиль. Он наиболее оформился в послереволюционное время, в период первой волны эмиграции.

Стоит ли удивляться, что книга, о которой идет речь, сотканная из многих необычных, невероятных женских историй, к которым с такой чуткостью и вниманием отнесся автор, имеет такую же невероятную судьбу. Она красива в классическом, платоновском смысле – как идеально найденная форма для материала.

Я была на презентации этой книги в Москве, была оше-

ломлена ее красотой, изысканностью издания. Тогда же через записку я попросила автора о встрече в Париже, куда собиралась ехать проводить исследование, которое меньше всего касалось эмиграции. Подойти я так и не решилась. Александр Васильев перезвонил мне еще до моего отъезда из Москвы, который все откладывался и откладывался из-за семейных обстоятельств, не дающих мне сделать и шагу, не то что уехать в Париж. «Нужно или детей растить, или исследования проводить! Чем-то нужно жертвовать», – назидательно заметил Александр. В тот момент погас свет во всем доме, и на протяжении всего разговора, который длился не менее двадцати минут, я сидела на полу, с аппаратом в руках, боясь шелохнуться, чтобы не дай бог не прервать беседу, которую не буду знать, как потом возобновить. «Началось», – подумала я, восприняв это как предостережение.

Уже в Париже я никак не могла получить обещанное рандеву: он все время куда-то улетал или был занят с журналистами. Я поняла смысл игры, игры в неприступность звезды. И стала уговаривать, уговаривать, уговаривать – как, собственно, и следует просить о сокровенном. И в какой-то момент, когда срок моей командировки уже перевалил за вторую половину, в день, когда меня нагло обокрали в парижском метро, едва успев разыскать хозяйку, тревожную алжирку, решившуюся на переезд в Париж с детьми – разыскать затем, чтобы взять ключ, переодеться, захватить диктофон – так вот, в тот день он позвонил и интервью все-таки

состоялось.

Вместо всех этих рюшек, малиновых сюртуков, странных очков в толстой пластмассовой оправе и с розовыми стеклами, щедрого жабо – живые, лукавые глаза исключительно умного и тонкого человека, коричневый свитер грубой вязки, который всякий назвал бы хемингуэевским, прекрасная пластика, умеренная галантность и природная приветливость. «Это вы?!» – я была встречена вопросом-комплиментом. «А то!», – подумала я, уже и сама не веря в факт этой встречи. Мысленно я представила восторженные глаза прелестницы, к которой испытывал особую нежность мой сын и которая была уверена в том, что Александр Васильев живет в шикарном дворце на берегу Сены, а по вечерам, когда высокие освещенные окна отражаются в спокойных водах, прогуливается в трагических раздумьях среди многочисленных манекенов, одетых… в бог знает что. (Когда он звонил, пожаловался: «Никто меня не узнает! Для того, чтобы тебя узнавали, нужно носиться по городу в длинном золотом шарфе и менять кабриолеты на каждом перекрестке»).

Несмотря на мою природную недоверчивость и скептицизм, я и сейчас скажу: я никогда не встречала человека, который бы с таким искренним воодушевлением, эстетической бережностью, неподдельной любовью, снисходительностью и терпением относился к русским дамам в Париже (красоте в изгнании). Мне и сейчас трудно представить себе другого человека, столь виртуозного и пластичного, который бы смог

такой материал собрать и так его подать. Этим я была обескуражена гораздо больше, чем предметами старины, заполнившими доверху квартиру моего собеседника.

Интервью я привожу так, как оно оказалось записано на пленке. Мне кажется, в нем сохранена интонация, слог автора. Я прослушивала его не один раз на разных этапах проведения исследования, оно было точкой отсчета и началом трассирующей дуги, проходящей через всю эту тему – женщины на перепутье судьбы, эмиграция во Францию как дальний предел женских чаяний.

Интервью с известным историком моды Александром Васильевым о специфике работы в русской эмиграции. Париж, 17 ноября 1998 года

А.В.: В России есть один исследователь, не важно, кто. Он приезжает в Париж для того, чтобы написать историю артистической жизни в эмиграции. Для этого он взял, видимо, в библиотеках все газеты, которые были написаны на русском языке. Он по-французски не читает. Это уже минус. Как только у человека есть только один или два языка, все остальные отпадают.

И он прочитал их все от корки до корки и выписал или отксерокопировал все статьи, связанные с работой русских певцов, балерин, артистов и т. д. И он сделал очень важную работу и составил алфавитные списки персоналий. Но только он никогда не видел их вблизи, этих артистов.

О.М.: Почему, они ведь живы?

А.В.: Да, но они не лежат на полках. Их нужно разыскивать, идти на личный контакт. А это всегда очень трудно. Не все люди готовы идти на личный контакт. Потому что они думают, что они будут: «а» – плохо выглядеть, не уверены в

своем внешнем виде. Например, вы выглядите хорошо, я хочу сделать вам комплимент, вы можете быть уверены в своем внешнем виде. А есть люди, которые боятся показаться на публике. По телефону или письмо написать они могут.

О.М.: Да, такая проблема есть…

А.В.: Очень важная! Далее, «б», они не всегда коммуникабельны и не всегда обязательны. Они могут не прийти, не позвонить. Это проблема организационная. Потом многие очень боятся русскую эмиграцию как факт. Потому что они говорят по-другому. У них другие обычаи, у них другие приемы, и это тоже ограничивает доступ. Короче, он написал этот список, видимо, очень полный, но полный с субъективной точки зрения. Он опирался на заметки тех журналистов в русской эмиграции, которые в двадцатые – тридцатые или пятидесятые годы упомянули о таком-то актере или такой-то балерине. Они упомянули о них, потому что «а» – они были с ними знакомы, то есть имели дружеские отношения, или потому что они произвели впечатление, или потому что их концерт или спектакль был настолько недорог, что у них хватило денег купить билет. Может быть, более знаменитые… Эти самые журналисты не всегда попадали на лучшие концерты. Потому что тогда не было формы пресс-карточек, как теперь, и не пускали везде. И если другие русские актеры играли, например, во французском спектакле, не русскоязычном, или во французском балете, где был, скажем, дорогой билет, они о них могли вообще не упомянуть. Понимаете?

В результате в список попало огромное количество хористов и кордебалетных актеров на третьих ролях, которых даже старожилы могли запомнить не как приму-балерину, а как балерину самой дальней пыльной кулисы, которая выходила как любитель на сцену два-три раза, но попала в газету. И таким образом она попадает в хронику!

Короче говоря, мне поручено как самому главному «следопыту», поскольку у меня есть сеть моих «шпионов» в области старой эмиграции, провести уточнения. Я звоню старожилам и по телефону читаю весь список, и они мне говорят, кого они помнят, а кого они никогда не помнят. Сегодня я прояснил многое, но мне нужно обзвонить еще трех-четырех людей, а потом, уточнив список, напечатать и послать.

Это работа добровольная, я ничего из этого не буду иметь, я даже думаю: может, он напишет мне «спасибо», а может и не напишет. Мне это интересно самому, потому что я знаю, что это для будущего важно. Потому что если я сегодня не спрошу, они все уйдут в другой мир, и никто это не сможет спросить. А если я даже дам им адреса этих людей, они будут бояться к ним обратиться. «А как я им напишу? А что они мне скажут? А если они мне не ответят?» Знаете, русские очень не уверены в себе.

Например, когда я работал над своей книгой, я работал достаточно планомерно. Потому что я вообще не представляю, что за архивы эмиграции есть. В Париже их нет. Такого архива эмиграции нет как такового. Нет такого места, я

имею в виду, место, где есть личные бумаги, письма, такого централизованного архива нет. Есть в Америке два очень важных архива: один, который называется Архив Бахметьева. Другой, я боюсь соврать, но кажется, он называется Грубберовский архив. Я не был ни в одном, ни в другом. Они принадлежали к американским университетам, которые собирали вещи, связанные с русской эмиграцией. Они очень важные, эти архивы, один, кажется в Вашингтоне, другой, кажется, в Калифорнии. Я не был ни в одном, ни в другом, я не списывался ни с одним, ни с другим. Во-первых, моя книга была сделана на коленях, между контрактами. У меня не было возможности прервать всю работу, поехать в Америку на три недели не из-за денег, а из-за времени. И я не знал, что я там найду, потому что у меня было такое изобилие информации здесь. В России есть очень важный архив, который передали из Праги в Музей революции, если я не ошибаюсь. Но, как мне сказали тоже через третьих лиц, во главе – мегера, мегера не пускает. Не знаю этого человека, не встречался, не знаю, что есть там. То есть, если покопаться в этих архивах, возможно, будут добавления к моей теме.

Мои источники были французские библиотеки, японские библиотеки, китайские библиотеки, турецкие, английские библиотеки общественного доступа, где было много документов по прессе двадцатых – тридцатых годов. Не русскоязычные. Например, в Латинской Америке это была испаноязычная пресса, которая мне дала огромное количество ве-

щей, связанных с резонансом того или иного явления русской эмиграции в глазах другой страны.

Это очень важно. Далее, около тридцати процентов моего исследования – это устные воспоминания, мифы и предания, которые я получил из первых источников. Часто они точные, а часто они субъективные, как воспоминания всякого человека: что-то хотелось вспомнить, а что-то нет. Я их включил. И большая часть связана с фактологическим иллюстративным материалом.

Визуальный материал мне очень много дал материала научного. Вот эти три главных источника – библиотечные фонды, устные материалы и иллюстративные материалы были очень важными для меня. Но многие из документов имеют коммерческую ценность. Многие из фотографий я купил за деньги на блошиных рынках, в частных коллекциях или даже в архиве французской фотографии. Есть специальный такой архив, где много фотографий одного эмигрантского фотографа Лепницкого. Они стоят очень много, одна фотография стоит от ста долларов и выше. У меня немного фотографий из этого фонда, только те, которые мне были очень нужны. Моя работа была связана со значительными финансовыми затратами. Например, фотографирование в музее музейным фотографом стоит около пятисот долларов. Я выступал как собственный спонсор, потому что никакого другого у меня не было. Это очень важно. Если бы у меня не было этих копеек, я не смог бы создать такую симпатичную книгу. Фи-

нансовая сторона была очень важна.

Далее, очень много материала было собрано не во Франции, а за границей. Как я уже сказал, в Гонконге, в Харбине, в Токио, в Сантьяго, в Буэнос-Айресе, в Аргентине, в США, в Англии, в Испании, в Италии, в Испании, в Бельгии. Перемещения я сам оплачивал. Или это было связано с моей театральной деятельностью, в таком случае театр платил, и я использовал мое пребывание за границей для исследования. Или я платил сам в случае, когда мне надо было поехать, например, в Харбин. Я понял, что, если я там не побываю, я не смогу ничего сделать. Или там, в Константинополе.

Для меня было очень важным не только общение с живым свидетелем, но и с другим носителем информации, например, потомками, свидетеля, которые были носителями преданий. Или с людьми, которые не имели прямого семейного отношения, но были близки, например соседи. Они были мне необходимы, потому что никого другого я бы не смог найти.

О.М.: Ну чтобы перепроверить данные.

А.В.: Да! Задавайте ваши вопросы, а то я запутаюсь.

О.М.: Вы замечательно говорите. Возникает образ исследователя, который готов был пойти на огромные внутренние и внешние затраты. Внешние – это деньги…

А.В.: И время…

О.М.: Да, и время. А каких еще особых способностей потребовало это многолетнее и кропотливое исследование?

А.В.: Терпения, огромного терпения! Например, некоторые героини книги не хотели меня принять в течение шести лет. И если б не мое упорство под их дверью… Одна из них, я просто назову, манекенщица Монна Аверьино, шесть лет не открывала мне дверь. Говорила, что с тридцать второго года она сильно изменилась. Вы можете себе представить? И когда она мне открыла, я понял, почему она не хотела показать этого. Но если бы я бросил эту затею, то я никогда бы ее не увидел. Многие дамы сначала сказали, что они хотят меня увидеть, а потом по какой-то причине отказывали. А некоторые говорили, что не хотят, а потом хотели очень бурно!

О.М.: Но это все так по-женски…

А.В.: Да, по-женски. Потом это было связано с болезнями очень многих, с их перемещением, с болезнью родственников. А также с тем фактом, что я родился в Советской России. Что мне очень помогало, потому что я смотрел со стороны, и очень мешало при встречах. Потому что дама, например, которой я посвятил книгу[12], думала, что я советский шпион. И, разведывая это, я хочу дать повод для новой главы в деле КГБ. Объяснить, что это будет для книги, было невозможно.

Вы прочли ее, вы мне сказали. Она написана, на мой взгляд, очень грамотным, красивым языком. Несмотря на

---

[12] В посвящении книги указано: «Посвящаю памяти Натальи Петровны Боговоловой, русской портнихи, первой принявшей меня в Париже и подсказавшей мне идею этой книги».

это, некоторые участницы этой книги из первой волны эмиграции жалуются на язык этой книги, говорят: «Она была написана, видимо так, как говорят «советчики»; мы на таком языке не разговариваем». Я сказал: «А какие же основные ошибки?» Они говорят: «Вы называете манекенов манекенщицами, это большая ошибка». Но в России манекен это – деревянное, недвижимое, или гипсовое. А манекенщица – это та, кто ходит по подиуму. Но форма «манекен» у нас сейчас никому ничего не говорит, несмотря на то, что я привожу здесь стихотворение «Манекен Наташа» для того, чтобы объяснить, как это слово употреблялось.

Потом, конечно, огромная работа была связана с поиском настоящих платьев. Эта работа была длительной, и, как бы я сказал, не приносившая больших плодов. Я написал во все музеи мира, в которых были коллекции платьев. И я нашел только в трех музеях мира платья с грифами русских домов. В музеях их почти не сохранилось. Но больше всего мне помогали парижские музеи, потому что они давно меня знают и относятся ко мне с большой симпатией. И самое большое, как ни странно, сопротивление, я получил в американских музеях, которые, казалось бы, всем помогают. Они мне очень сильно помогали с диапозитивами, а с платьями просто вредили. Например, музей «Метрополитен» в течение полугода не хотел мне сказать, какие платья дома Феликса Юсупова у них есть, хотя бы какой у них номер хранения и есть ли у них фотографии, чтобы увидеть. И когда я сказал, что я хо-

чу купить у них новую фотографию, они так и не ответили, могут ли они мне это сделать, за сколько и так далее.

О.М.: У меня был небольшой опыт общения с эмигрантами, мне посчастливилось побывать в семье Ельчаниновых.

А.В.: Александра Ельчанинова, того, который на пюсе[13] торгует?

О.М.: Нет, у его отца Кирилла Александровича Ельчанинова, сына известного священника и мыслителя в эмиграции отца Александра. Разговаривать было трудно, хотя встретили нас чрезвычайно радушно. Я привезла из Москвы словарь русской философии со статьей про отца Александра. Я чувствовала, что не могу задавать все вопросы, не все из них могут быть приятными…

А.В.: Это всегда неприятно. У всех жизнь здесь была связана с тяжелой работой. Люди из Советской России хотели бы услышать миф: и вот они жили, и вот они продали брильянты, купили дом в Париже, она музицировала в кабаре, а он был таксистом, они прожили счастливую жизнь, и они потом уехали в Уругвай. Это – и да, и нет, потому что это было связано с тяжелыми буднями в очень враждебной стране. Потому что Франция – это враждебная страна для иностранца, несмотря на то, что все иностранцы здесь живут. Видите, они даже не хотят признать, что дети, рожденные во Франции, могут быть квалифицированы как французы. Сейчас это как раз дискутируется…

---

[13] От «les puces» (фр.) – блошиный рынок.

Ах, ну у вас красивые ботинки, очень идут к вашему платью…

О.М.: Спасибо. Вот вы упоминали о том, что не всякий человек из нынешней России сможет установить контакт на этом начальном этапе. Чего не должно делать?

А.В.: Чего нельзя делать? Опаздывать. Это сразу начинается скандал. Спрашивать личные вещи, задавать слишком много вопросов, не давать возможности сказать человеку. Многие люди, как ни странно, боятся фотоаппаратов и магнитофонов. Многие боятся, что это будет использовано против них или что они как-то не так будут выглядеть.

О.М.: Насколько успех ваших встреч зависел от личной контактности?

А.В.: От личной контактности, от того, от какого лица я пришел, от протекции. Но некоторые связи появились совершенно случайно, через совершенно случайных третьих лиц. Например, когда я разыскивал живых манекенщиц, одна русская актриса кино, которая здесь играет или жертв или убийц на телевидении, сказала мне, что снималась как-то в эпизоде с французским актером. Он курил мундштук и сказал: «Я это делаю так, как моя бабушка, русская манекенщица». Она дала мне его телефон, у него был всегда автоответчик, я много раз оставлял ему записки, пока он не перезвонил мне и на мой автоответчик сказал: «Телефон бабушки такой-то». Я позвонил бабушке, и она сказала: «Вы мне звоните, очевидно, по просьбе моего внука». И она мне назначила встречу.

Это совершенно случайная встреча. А другие встречи были скорее закономерными. Например, я часто бывал в русских старческих домах, и писал в русские старческие дома, спрашивал у директоров, есть ли там манекены. И некоторые говорили, что есть, но они не в своем уме. «Она уже не узнает собственного сына». Иногда это было правдой, а иногда и совсем неправдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.